

В. Б. КАСЕВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ФОНЕМЫ

Основной целью настоящей работы является экспликация высказывания «фонема — это абстракция (абстрактный объект)». Все остальные вопросы затрагиваются нами преимущественно постольку, поскольку они оказываются связанными с задачей, сформулированной выше.

Приведенное высказывание, характеризующее логическую природу фонемы, является общепринятым (и общеупотребимым) в современной лингвистике. Тем не менее, утверждаемая в нем абстрактность фонемы понимается неодинаково различными авторами. Не имея возможности углубляться в историю вопроса, обратимся лишь к получившей в последнее время наибольшую известность точке зрения — к концепции С. К. Шаумяна, разработавшего так называемую «двухступенчатую теорию фонологии»¹.

Согласно этой теории, абстрактность фонемы («абстрактной фонемы») состоит в том, что это — конструкт, идеальный (различительный) объект особого уровня абстракции, существование которого не выводимо из данных прямого наблюдения. Конструкт постулируется путем применения гипотетико-дедуктивного метода и соотносится с «уровнем наблюдения» особыми «правилами корреспонденции». Необходимость отнесения фонемы к конструктам вызывается, по С. К. Шаумяну, тем, что при попытке выяснить природу фонемы, не прибегая к постулированию такого идеального объекта, мы неизбежно приходим к логическому противоречию, связанному с существованием так называемой «антиномии транспозиции». Сущность названной антиномии состоит в следующем. Фонема есть знак², в природе же знака заключено безразличие к виду субстанции, в которой он воплощается — отсюда, следовательно, вытекает принципиальная возможность транспозиции фонемы в любую другую субстанцию (цветовую, тактильную и т. д.). С другой стороны, фонема (если ее не трактовать как конструкт) — это объект, обладающий именно акустической, а не какой-либо иной субстанцией. Следовательно, эти два свойства, семиотического и субстанционального характера, традиционно приписываемые фонеме, оказываются в действительности логически не совместимыми. Выход из

¹ Наиболее полно эта теория представлена в монографии: С. К. Шаумян, Проблемы теоретической фонологии, М., 1963. Теория С. К. Шаумяна породила обширную литературу — как в качестве откликов на нее, так и в виде исследований, основывающихся на этой теории. Однако, поскольку имеющиеся в литературе суждения, в общем, мало соприкасаются с тем, что изложено в настоящей статье, мы сочли возможным не останавливаться на освещении мнений, которые были высказаны в соответствующих работах.

² В указанном сочинении С. К. Шаумян не пользуется термином «знак», но изложения видно, что имеется в виду именно знаковый характер фонемы. В более же ранней работе С. К. Шаумяна аналогичные рассуждения обосновываются непосредственным указанием на то, что фонема есть знак (см.: С. К. Шаумян, Логический анализ понятия фонемы, сб. «Логические исследования», М., 1959).

описанного противоречия усматривается в признании того, что фонема — это конструкт, которому свойственна лишь различительная семиотическая природа и который в о п л о щ а е т с я в акустической субстанции реальных звуков.

Изложенный вывод, по-видимому, корректен, если признать истинность обеих посылок. Однако именно эти посылки вызывают серьезные возражения, точнее — первая из них, восходящая, очевидно, к тезису Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака. Прежде всего здесь можно было бы заметить, что фонему, не обладающую планом содержания³, трудно отнести к знакам. Однако в то же время можно согласиться с тем, что фонема, формируя знаки, делит с этими последними ряд существенных свойств семиотического характера⁴, что позволяет при рассмотрении интересующего нас вопроса отвлекаться от соображений о незнаковом характере фонемы.

Значительно более существенно в данном случае следующее. Тезис о безразличии знака к виду субстанции, в которой он воплощается, можно трактовать, по нашему убеждению, лишь одним способом: безразличен в ы б о р субстанции знака; после же того, как этот выбор (стихийно или целенаправленно) произведен — после этого не только не может быть постулируемого «безразличия», но, напротив, именно данная субстанция становится абсолютно общеобязательной. В противном случае акт коммуникации становится невозможным — в то время как именно такую возможность призвано обеспечить существование знака. Иначе говоря, здесь есть своя «диахрония» и «синхрония», смешение которых приводит к серьезным последствиям.

Следует ли из вышеизложенного, что транспозиция невозможна? Разумеется, не следует: любая знаковая система, путем определенных операций (в том числе и путем замены означающих, частным случаем чего является замена субстанции означающих) может быть преобразована в другую систему, изоморфную (гоморфную) исходной. Суть заключается именно в том, что это будет д р у г а я система, с д р у г и м и единицами; соответственно, переход от одной системы к другой должен быть конвенционально закреплен — иначе неизбежно нарушится возможность коммуникации.

В принципе ничто как будто бы не мешает постулировать существование некоторых идеальных конститутивных (и, следовательно, различительных) единиц, к которым в отношении воплощения находились бы фонемы, графемы, комбинации точек и тире азбуки Морзе и т. п.⁵ — хотя целесообразность постулирования таких объектов еще нуждается в доказательстве. Однако ясно, что эти единицы не имели бы непосредственного отношения к фонологии. Следовательно, рассуждения об антиномии транспозиции, которые могут быть отнесены лишь к такого рода единицам, также не имеют отношения к фонологии.

Иначе говоря, антиномии транспозиции в фонологии не существует⁶.

³ Статус плана содержания приписывают иногда различительной функции фонемы, однако такое толкование является вряд ли законным расширением понятия плана содержания.

⁴ Ср.: Ю. С. М а с л о в. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками?, сб. «Язык и мышление», М., 1967.

⁵ Впрочем соотношение это не было бы одноуровневым: так, азбука Морзе — это уже «третичная» (считая графемы) транспозиция.

⁶ В обоснование отнесения фонемы к конструктам С. К. Шаумян ссылается также на «антиномию парадигматической идентификации фонем» и «антиномию синтагматической идентификации фонем» (С. К. Ш а у м я н, Проблемы..., стр. 26—32). Однако указанные антиномии играют явно периферийную роль в концепции автора (так, они не упоминаются ни в его более ранних, ни — что важнее — в последних работах; см.

Можно ли, тем не менее, отнести фонему к конструктам, не прибегая к помощи «антиномии транспозиции»? Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к рассмотрению того, что понимается под таким объектом, как конструкт.

В рассматриваемых работах не дается вполне эксплицитного указания на критерии, с помощью которых конструкты могут быть отличены от других абстрактных объектов, однако указывается, что конструкты суть понятия о ненаблюдаемых объектах, которые невозможно выработать путем генерализации⁷. Рассмотрим логическую природу объектов, существенными признаками которых были бы те, что указаны выше.

Сразу же следует отметить, что здесь, как представляется, недифференцированно рассматриваются два принципиально различных вида абстрактных объектов, что явствует из следующего.

Тезис о «ненаблюдаемости» можно понимать как утверждение о ненаблюдаемости индивидуальных объектов, составляющих предметную область конструкта — тем более, что С. К. Шаумян в качестве примера ссылается на такие объекты, как ген и т. п. и упоминает понятие «черного ящика» в кибернетике. В этом случае мы будем иметь дело с такими объектами, которые в логике именуются «гипотетическими»: эти объекты в силу тех или иных причин принципиально ненаблюдаемы, и об их существовании можно судить лишь по внешним следствиям их реального наличия (в частности, по взаимодействию этих объектов с другими объектами и т. п.)⁸.

Но что является предметной областью фонемы? Если предметная область фонемы — это «психические объекты», принадлежащие языковому сознанию, т. е. реальным языковым механизмам индивидуальных носителей языка, то фонема — гипотетический объект, «черный ящик». В этом случае реальные звуки есть лишь нечто внешнее по отношению к фонемам, косвенное свидетельство их существования и свойств. Однако это слишком расколотится со сложившимися представлениями, согласно которым звуки *суть* реализации фонем, а не нечто внешнее, лишь косвенно связанное с фонемами. Такие представления подкрепляются также и тем убеждением, что фонемы формируют знаки, которые невозможны вне коммуникации — элементы же языкового сознания являются лишь своего рода предпосылками коммуникации. Отсюда, очевидно, следует, что предметная область фигурирующей в реальных лингвистических описаниях фонемы — это и есть звуки, которые наблюдаемы⁹ (вырабатываемый же на базе этого множества абстрактный объект — фонема, определенным образом сопостав-

С. К. Шаумян, Современное состояние двухступенчатой теории фонологии, сб. «Исследования по фонологии», М. 1966), ввиду чего мы сочли возможным не рассматривать здесь эти антиномии — хотя, мы полагаем, можно показать иллюзорность также и этих антиномий.

⁷ См.: С. К. Шаумян, Проблемы ..., стр. 33; е го ж е. Операционные определения и их применение в фонологии, сб. «Применение логики в науке и технике», М., 1961, стр. 149.

⁸ См., например: А. А. Зинovieв, Основы логической теории научных знаний, М., 1967, стр. 83.

⁹ Наблюдаемость индивидуальных звуков в начале анализа состоит, конечно, не в том, что мы имеем дело с текстом, естественно расчлененным на сегменты «фонемной протяженности» (хотя именно таково, кстати, мнение С. К. Шаумяна: см.: С. К. Шаумян, Проблемы..., стр. 30) — в качестве данного выступает лишь звуковой континуум, где индивидуальные звуки находятся в отношении своего рода взаимной диффузии. Иначе говоря, непосредственно наблюдаемым является именно звуковой континуум, а уже в его составе — индивидуальные звуки (сегментация же, стремящаяся к фонемной интерпретации текста, должна прибегнуть к определенным лингвистическим критериям; см.: Л. В. Щербачев, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912; Л. Р. Зиндлер, Общая фонетика, Л., 1960).

ляется элементу языкового механизма)¹⁰. Это одновременно означает, что такие фонемы не являются гипотетическими объектами.

С другой стороны, тезис о «ненаблюдаемости» можно толковать применительно к самому конструкту. В этом случае мы либо имеем дело с явно несобственным признаком конструкта (все абстрактные объекты не наблюдаемы в том смысле, что не имеют отдельного существования), либо же постулируемая ненаблюдаемость должна пониматься как невозможность перехода от индивидуальных наблюдаемых объектов к абстрактному объекту путем одной лишь генерализации (о чем как раз и упоминается применительно к характеристике конструктов — ср. выше)¹¹.

Эта последняя интерпретация действительно дает основание для выделения некоторого особого класса абстрактных объектов (о чем и пойдет речь ниже), однако, поскольку понятие конструкта оказывается далеко не очевидным, мы в дальнейшем изложении предпочтем им не пользоваться¹².

Вместо этого мы будем исходить из того, что можно различать абстрактные объекты двух родов¹³: абстрактные объекты первого рода таковы, что в их определение входит указание на такие признаки, которыми принципиально не может обладать ни один из индивидуальных объектов, составляющих предметную область данного абстрактного объекта (например, «плоскость» в геометрии — абстрактный объект первого рода, так как по определению плоскость двумерна, в то время как ни один реальный индивидуальный объект не является двумерным)¹⁴, абстрактные объекты второго рода, напротив, не включают в определяющие их признаки таких, которые принципиально не могут принадлежать индивидуальным объектам¹⁵.

¹⁰ Изложенное, в сущности, означает, что фактически лингвистика (кроме, пожалуй, ее генеративного направления) под языком имеет в виду не только (и даже, может быть, не столько) внутренний языковой механизм («психоязык»), но и отвечающие ему закономерности строения текста, выводимые из текста. Это, в общем, понятно, особенно если учесть, что внутренний языковой механизм складывается именно как отражение выявленных закономерностей текста в его функционировании (ср. также ниже). Проблема, разумеется, слишком сложна, чтобы ее можно было подробно обсуждать здесь.

¹¹ Мы не рассматриваем наиболее тривиальную возможность трактовки «ненаблюдаемости»: отнесение фонемы к «теоретическому языку» в отличие от «языка наблюдения». Это — абсолютно очевидно, так как «язык наблюдения» содержит только предположения, фиксирующие индивидуальные факты» (П. В. Та в а н е ц, В. С. Ш в ы р е в, Логика научного познания, сб. «Проблемы логики научного познания», М., 1964, стр. 41).

¹² Мы не можем здесь анализировать употребление этого понятия в других работах, в том числе в собственно логических. Отметим лишь, что и там приходится встречаться с тем, что термин «конструкт» употребляется с достаточно неопределенной областью значений (так, даже в одной и той же работе, под конструктом, как можно понять, иногда имеется в виду абстрактный объект, который невозможно получить ни путем генерализации, ни путем идеализации, иногда же — любой абстрактный объект; см.: Е. Е. Л е д н и к о в, Проблема конструктов в анализе научных теорий, Киев, 1969, стр. 6—8, 99 и сл.). В некоторых работах наряду с теоретическими конструктами вводятся также «эмпирические конструкты» (П. В. Та в а н е ц, В. С. Ш в ы р е в, указ. соч.).

¹³ Этим мы не утверждаем, разумеется, что возможна лишь такая классификация абстрактных объектов (ср.: Д. П. Г о р с к и й, Вопросы абстракции и образования понятий, М., 1961).

¹⁴ По-видимому, именно абстрактные объекты первого рода ближе всего к конструктам в понимании С. К. Шаумяна — тем более, что и антиномия транспозиции истолковывается как утверждение о невозможности существования таких индивидуальных объектов, которым были бы присущи только лишь семиотические свойства и которые были бы лишены субстанциональных свойств.

¹⁵ Ср.: А. А. З и н о в ь е в, указ. соч., стр. 82 и сл. А. А. Зиновьев называет объекты первого рода абстрактными, а объекты второго рода — эмпирическими объектами (отличая от последних, как можно судить, «реальные эмпирические объекты», соответствующие, вероятно, индивидуальным объектам). Мы предпочли применить термин «абстрактный объект» к объектам, получающимся путем абстракции любого типа, что,

Опираясь на сформулированное выше понимание двух типов абстрактных объектов, вернемся к рассмотрению вопроса: в чем состоит абстрактность фонемы, или, иначе, абстрактным объектом какого рода является фонема?

Ответ на этот вопрос зависит от того, из какого определения фонемы мы будем исходить.

В настоящее время весьма распространенным является определение фонемы как «пучка дифференциальных признаков». Если мы согласимся с такой трактовкой фонемы, то из этого с неизбежностью будет следовать, что фонема — абстрактный объект первого рода, так как ни об одном реальном звуке речи нельзя сказать, что это — сумма дифференциальных признаков. Остановимся, однако, более подробно на анализе приведенного определения фонемы.

Определение это предполагает, очевидно, что дифференциальные признаки устанавливаются независимо от выделения фонемы и до этого. На неправомочность такого подхода с лингвистической точки зрения в литературе уже указывалось¹⁶. Следует отметить также неудовлетворительность анализируемой трактовки с логической точки зрения.

Прежде всего, выбор существенных признаков любого объекта невозможен без предшествующего ему выбора самого объекта¹⁷. Кроме того, определение фонемы по упомянутому образцу объективно подразумевает, что между дифференциальными признаками и фонемой существует отношение включения (или отождествления), что неправомочно: нельзя говорить ни о включении признака в объект, ни о включении объекта в класс признаков, ни об отождествлении объекта и признака — все эти отношения могут быть только между однопорядковыми терминами¹⁸.

Сведение фонемы к пучку дифференциальных признаков выглядит близким «логическому конструированию» по Б. Расселу и редукционизму. На самом деле, однако, здесь возникают серьезные возражения. Мы остановимся лишь на одном из них.

«Логическая конструкция», которую представляет собой набор дифференциальных признаков по отношению к объекту-фонеме, должна заменять этот объект во всех возможных контекстах. В действительности же она не может заменить фонему в самом важном контексте: в формировании означающих языковых знаков. Дело в том, что если фонема — пучок дифференциальных признаков, то она принципиально лишена протяженности и в этом смысле нелинейна — так как (фонологически) дифференциальные признаки не сукцессивны, но симультанны. Отсюда фонема — пучок дифференциальных признаков — не может быть традиционной кратчайшей единицей плана выражения (ибо «краткость» предполагает протяженность), а может быть лишь точкой признакового пространства. Следовательно,

как представляется, более соответствует принятому в логике словоупотреблению (ср., например, Е. К. В о й ш в и л л о, Понятие, М., 1967, стр. 22).

¹⁶ См.: П. С. К у з н е ц о в, О дифференциальных признаках фонемы, В Я, 1958, 1.

¹⁷ См.: А. А. З и н о в ь е в, указ. соч., стр. 63. Сформулированному утверждению противоречит, на первый взгляд, возможность выбора объекта по какому-либо признаку. Но в данном случае объект выбирается из уже имеющегося множества — т. е. выбор объекта, в том числе и рассматриваемого, уже каким-то образом состоялся до выбора существенных признаков этого объекта. Другим кажущимся исключением может представиться выделение объекта как дискретного элемента из некоторого континуума (как это и происходит в фонологии) с помощью определенных признаков. Однако такие признаки (сегментационные) не являются признаками объекта в собственном смысле — после выделения таких объектов последние определяются и классифицируются по некоторым другим признакам.

¹⁸ Ср.: А. А. З и н о в ь е в, указ. соч., стр. 67.

нельзя перейти от принципиально нелинейных, «точечных» фонем к принципиально линейным означающим языковых знаков — хотя, по общепринятым представлениям, именно такой переход должен быть обеспечен.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, таким образом: фонема не может определяться через дифференциальные признаки — в том смысле, что она выделяется независимо от них и лишь впоследствии каждой фонеме ставится в соответствие некоторый набор дифференциальных признаков; традиционное представление о фонеме как кратчайшей единице плана выражения не согласуется с ее определением как пучка дифференциальных признаков.

Необходимо лишь подчеркнуть, что набор дифференциальных признаков фонемы столь же реален, сколь и сама фонема — поэтому в принципе можно условиться, что термин «фонема» применяется именно к такому набору (тогда фонема будет абстрактным объектом первого рода). Следует лишь ясно сознавать, что тем самым мы расстанемся с традиционным представлением о фонеме и что в этом случае возникает необходимость во введении нового термина для того объекта («бывшей» фонемы), которому поставлен в соответствие набор дифференциальных признаков.

Если же мы не производим такой радикальной перестройки понятийного и терминологического аппарата фонологии, то мы должны согласиться с тем, что фонема, как сказано выше, не есть пучок дифференциальных признаков.

Все же другие определения фонемы, не сводимые к указанному («минимальная линейная единица плана выражения...» и т. п.), не включают в себя указания на признаки, которыми принципиально не могли бы обладать звуки речи. Из этого, очевидно, следует, что «традиционная» фонема — абстрактный объект второго рода (и именно из этого мы будем исходить в дальнейшем).

Заметим, что разница между этими объектами — это разница не в уровне, а в типе абстракции: и в том, и в другом случае мы конструируем абстрактный объект, отвлекаясь от одних признаков индивидуальных объектов и выделяя другие — но только в одном случае (построение абстрактных объектов второго рода) абстрагирование основывается на одном лишь отождествлении индивидуальных объектов по некоторым признакам (подробнее см. ниже), в другом же случае (построение абстрактных объектов первого рода) отождествлению предшествует изолирование некоторых признаков, которые, становясь объектом абстрагирования, подвергаются дальнейшему отождествлению¹⁹ (иначе можно было бы сказать, что здесь совмещаются генерализация и гипостазирование)²⁰.

Конструирование абстрактного объекта второго рода осуществляется по так называемому «принципу абстракции»²¹, согласно которому на некотором множестве индивидуальных объектов определяется (с вероятностью, достаточно близкой к единице) отношение эквивалентности по определенному признаку. В итоге строится абстрактный объект, обладающий признаками, общими для приравненных в каком-то отношении индивидуальных объектов²². Именно таким образом и поступаем мы, когда

¹⁹ Ср.: Е. К. В о й ш в и л л о, указ. соч., стр. 256—257.

²⁰ Построение абстрактных объектов первого рода иногда именуются «идеализацией» (см., например: А. Л. С у б б о т и н, Идеализация как средство научного познания, сб. «Проблемы логики научного познания», М., 1964).

²¹ См.: Е. К. В о й ш в и л л о, указ. соч., стр. 257 и сл.

²² Ср. конструирование «абстрактной буквы» у А. А. Маркова: «Возможность установления одинаковости букв позволяет нам, путем а б с т р а к ц и и о т о ж д е с т в л е н и я, построить понятие „абстрактной буквы“. Применение этой абстракции состоит в том, что мы начинаем говорить о двух одинаковых буквах как об о д н о й и т о й ж е б у к в е ... А б с т р а к т н ы е б у к в ы — это буквы, рассматриваемые

«конструируем» фонемы, отправляясь от рассмотрения реальных, индивидуальных звуков речи в их функционировании. Чрезвычайно существенно при этом следующее: поскольку наша цель — конструирование лингвистического, семиотического объекта, то, соответственно, и признак, по которому устанавливается эквивалентность индивидуальных звуков, также должен быть лингвистическим, семиотическим. С. К. Шаумян из того факта, что рассматриваемые объекты (звуки речи) имеют акустическую природу, делает вывод, что отождествляться они в этом случае должны также по акустическим признакам (что, утверждается, противоречило бы их семиотическому назначению и т. д.)²³. Однако такое допущение совершенно произвольно, так как «принцип абстракции» не налагает никаких ограничений на характер используемых признаков — это определяется задачами абстракции.

Получаемые описанным выше методом абстрактные объекты — фонемы — соотносятся с индивидуальными звуками, которые послужили основой для их конструирования, как соотносится общее с единичным. Когда говорят, что в речи «нет фонем», что «нельзя произносить фонемы», поскольку это — непростительное смешение уровней абстракции, то, в частности, такие утверждения можно истолковать, как высказывание, например, «[æ] не есть /a/» («Неверно, что [æ] есть /a/») для русского языка ([æ] — аллофон /a/ между двумя мягкими). Очевидно, это имплицитно обосновывается тем, что «/a/ не есть [æ]» (обращение суждения). Если это так, то в данном случае мы имеем дело с элементарной логической ошибкой, которая заключается в следующем. Для того чтобы придать правильную логическую форму высказыванию, противоположному первому из приведенных выше, в него необходимо ввести квантор всеобщности, после чего оно примет вид: «Все [æ] суть /a/». Однако, поскольку в этом высказывании субъект распределен, а предикат — нет, то единственным способом обращения суждения, составляющего это высказывание, является употребление квантора существования при термине, который из предиката превращается в субъект: «Некоторые /a/ суть [æ]» («Существуют такие /a/, что [æ]») ²⁴, где «некоторые /a/» естественно трактовать как аллофоны /a/. Истинность же последнего высказывания, по-видимому, достаточно убедительна.

Таким образом, упомянутое возражение против высказывания типа «[æ] есть /a/» логически неправомерно.

Следовательно, «непроизносимость» фонем достаточно условна и должна быть надлежащим образом интерпретирована как естественное несовпадение общего и отдельного, где общее есть лишь одна сторона отдельного, а отдельное — лишь одна сторона общего. Можно утверждать, что фонема, как она фигурирует в лингвистических исследованиях — это абстрактный (лингвистически значимый) звук, в речи представленный конкретными звуками ²⁵: если фонема /x/ определяется как абстрактный звук, противопоставленный всем другим абстрактным звукам данного языка и обладающий признаками *a*, *b*, *c*, *d*, то в речи такая фонема пред-

мые с точностью до одинаковости» (А. А. Марков, Теория алгорифмов, «Труды Математического ин-та им. В. А. Стеклова», 42, М., 1954, стр. 7—8).

²³ См., в частности: С. К. Шаумян, Логический анализ понятия фонемы, стр. 170 и др.

²⁴ См.: Д. П. Горский, Логика, М., 1963, стр. 158.

²⁵ Ср. рассуждения А. А. Маркова об абстрактных и конкретных буквах: «Проводя абстракцию отождествления по отношению к буквам, мы будем рассматривать конкретные буквы как представители соответствующих абстрактных букв... Мы будем также, говоря о представителях, подразумевать представляемое ими. Например, мы будем говорить о букве *, подразумевая при этом абстрактную букву, представленную буквой *» (А. А. Марков, указ. соч., стр. 7—9).

ставлена конкретными звуками, к которым приложимы все те же характеристики (кроме, разумеется, абстрактности) — плюс целый ряд других, которые могут быть признаны иррелевантными.

Выше уже говорилось, что фонемы как объекты лингвистической теории сопоставлены элементам языкового механизма носителей языка. Языковой механизм обеспечивает два аспекта речевой деятельности: восприятие речи и порождение речи. Наряду с этим полезно отличать процессы, происходящие при формировании языкового механизма, т. е. процессы интериоризации системы языка. Конструирование фонемы, как оно описано выше, соответствует переходу от слышимой звуковой реальности к абстрактным объектам — элементам языкового механизма («психофонемам»). Такое конструирование, следовательно, соответствует прежде всего процессам формирования системы. Тем самым, однако, устанавливается связь между конкретными звучаниями и соответствующими абстрактными объектами, т. е. объясняется именно та связь, которая лежит в основе процессов речевосприятия и речепроизводства.

Из изложенного видна также и специфика лингвистических абстракций. Она заключается не только в том, что здесь отождествление согласно принципу абстракции производится на основании не имманентных, а функциональных свойств. Специфика заключается также в наличии особого, а именно генеративного аспекта. В плане «индивидуальной диахронии» (т. е. онтогенетически) конкретные [а] формируют /а/ языка. В плане же «индивидуальной синхронии» не только конкретные [а] идентифицируются через /а/, но также /а/ порождает конкретные [а] (при функционировании реального языкового механизма или действующей модели языка).